
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

А. В. ВОДОЛАГИН

ФЕНОМЕН «ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ» В ИСТОЛКОВАНИИ В. В. РОЗАНОВА

Василий Васильевич Розанов – один из самых оригинальных по складу ума деятелей русского культурного Ренессанса начала XX в. Его имя ассоциируется с «эпохой пробуждения в России самостоятельной философской мысли»¹. Вспоминая о небывалой для нашей страны по своей интенсивности духовной жизни того времени, Н. А. Бердяев отмечал, что на заседаниях петербургских религиозно-философских собраний преобладала проблематика В. В. Розанова. Вопросы о метафизической сущности пола, брака и семьи ставились последним в контексте христианского сознания с беспрецедентной остротой и радикальностью, а его интуиции в указанной области и предложенные им решения до сих пор поражают нас своей нетривиальностью. Хотя он не создал законченного, систематического по форме социально-философского учения, розановский опыт осмысления повседневного человеческого бытия в его фактичности остается для нас ценным и поучительным.

Самое интересное в этом опыте – сочетание совершенно свободного от идеологических штампов его времени философствования с благоговейно-трепетным отношением к великим духовным традициям, позволяющим постигать неподвластные человеческому произволу законы космического и социально-исторического бытия. Важнейшим из них Розанов считал закон распада всякого единства в природе на противоположности, «закон полярности»², прин-

¹ Бердяев, Н. А. Самопознание. – М., 1991. – С. 124.

² См.: Розанов, В. В. Природа и история. – СПб., 1903. – С. 63–64.

цип «муже-женского слагания Космоса»³, известный еще древним даосам.

По мнению Н. А. Бердяева, в дискуссиях об онтологической природе пола, брака и семьи Розанов был «более первороден и оригинален», чем Д. С. Мережковский. Его вклад в формирование «нового религиозного сознания» в России в ходе диалога интеллигенции с представителями Русской православной церкви все еще не осмыслен в полной мере. На взгляд Н. А. Бердяева, Розанов – «настоящий *уникум*. В нем были типические русские черты, и вместе с тем он был ни на кого не похож. ...Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова»⁴. Сам Розанов не без оснований считал себя первой «умственной величиной своего времени»⁵.

Современные исследователи обращают внимание на «некую неуничтожимую эмоционально-психологическую русскость» Розанова, его редкий «дар свободы от самого себя», видя в нем «человека нового сознания, неизвестного русскому XIX в.», созерцателя даосского типа⁶. 150-летие В. В. Розанова – хороший повод для обращения к еще не освоенным пластам его наследия и возобновления прерванной линии самобытной русской философской мысли.

Оригинальность в мышлении не бывает порождением случайной субъективности авторского «Я». Она проистекает, как правило, из его обращенности к истокам. Известно, что истоки философского мышления Розанова связаны с «Метафизикой» Аристотеля. Подготовленный Розановым первый русский перевод аристотелевской книги уже заключал в себе некую интерпретацию метафизики, которая получила развернутое выражение в розановском трактате «О понимании» (1886). Важнейший, онтологический мотив этого никогда не пользовавшегося популярностью философского текста был сформулирован в виде тезиса о четырех формах существования: небытии, бытии потенциальном, бытии образующемся и бытии реальном⁷.

³ Розанов, В. В. Во дворе язычников. – М., 1999. – С. 70.

⁴ Бердяев, Н. А. Самопознание. – С. 131.

⁵ Розанов, В. В. Соч.: в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 178.

⁶ См.: Носов, С. Н., Розанов, В. В. Эстетика свободы. – СПб.; Дюссельдорф, 1993. – С. 13, 142; Болдырев, Н. Ф. Семья Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. – Челябинск, 2001.

⁷ См.: Розанов, В. В. О понимании. – СПб., 1999. – С. 114.

Методологическое значение данной категориальной схемы состояло в том, что она выводила исследователя за пределы эмпирически наблюдаемой реальности и ориентировала на анализ интуитивно постигаемых возможностей бытия, из которых и разворачиваются всякого рода реалии. Применительно к человеческой реальности такой подход требовал повышенного внимания к сексуальной сфере, в которой космические по своей сути отношения полов трансформируются в отношения социальные, порождая явления брака, семьи и первичной внутрисемейной религиозности. *«Религия во всем подобна браку и есть такое же чудо, как он, и такая же, как он, сущность и очевидность, – утверждал Розанов. – Она основана и состоит на избрании Богом человека “в союз” (religio) с Собою; и на открытии этому дорогому существу, Невесте или Супругу (Апокалипсис, пророки), истин изумительной важности, чрезмерной интимности, для всего остального мироздания оставленных сокрытыми»*⁸.

Пол, по Розанову, есть психофизиологический фундамент всякой религиозности, поскольку предполагает переживание недостижимой в реальности полноты бытия, выход за пределы ущербного, индивидуального существования и обретение космической гармонии через синтез противоположных начал. Розановская метафизика пола и проистекающая из нее религия любви исходят из феномена семени, в котором уже в свернутом виде присутствует установка на эротическое восхождение к космической гармонии, поэтически представленное еще Платоном в диалоге «Пир».

Рождение ребенка приоткрывает религиозную тайну брака, семья хранит ее, формируя кровнородственную, нравственную связь поколений, в отрыве от которой существование более сложных социальных образований – церкви и государства – лишено смысла. Более того, враждебное отношение названных структур к сфере семейно-брачных отношений лишает их высшей «легитимности». Такого рода соображения скрывались за розановским бунтом против исторического христианства с его пренебрежительно-негативным отношением к плоти и полу. Они же вели его в сторону реанимации языческих фаллических культов древности.

⁸ Розанов, В. В. Около церковных стен. – М., 1995. – С. 457.

Семья, общество, государство, полагал Розанов, «явления языческого порядка»⁹, в основе которых – освящение зачатия, деторождения, кровного родства. Христианское Откровение – Боговоплощение – затронуло, по его мысли, саму «ось мира»: мир перевернулся, и то, что язычниками почиталось в качестве святынь, стали расценивать как низменные проявления человеческой греховности. Евангелие, точнее, распространяющая его Церковь привносит в социальное бытие нечто «не-реальное» – то, что «не от мира сего». Речь идет, по словам Розанова, о «бесконечно малой», текущей величине, «флюксии», которая становится фактором колоссальных качественных трансформаций.

С формальной стороны привносимое христианством в мир ирреальное начало есть не что иное, как свобода. А по своему содержанию это – неведомый ни язычеству, ни иудаизму род любви, не совместимый с культивировавшейся в Древности «половой страстью». Нужно заметить, что новозаветный, по сути, опыт любви-сострадания, переживание «нереального» в собственной семейной жизни и судьбе приблизили Розанова к разгадке духовной привлекательности православия. При всех своих еретических метаниях в области мысли он оставался православным человеком в повседневной жизненной практике.

«Жизнь, история – непременно творятся верою, – писал Розанов, – без веры ни шагу, не только в религии, но, между прочим, даже и в политике. ...Вера есть великое ощущение сердцем просто избытка в себе бытия – того, что оно просто есть: «я *есмь* и вот – я иду вперед...»¹⁰. Приведенные слова свидетельствуют о том, что русский мыслитель в своих интуициях обретал мудрость древних даосов. Достаточно вспомнить Лао-Цзы: «Если в тебе недостаточно веры, то бытие не верит тебе»¹¹.

Осуществленный 2000 лет назад христианством «перелом во всемирной истории», согласно Розанову, психологически выразился в смещении внимания от события рождения, которым повсеместно было озабочено язычество, к событию смерти. Вместо философско-поэтического вопрошания о начале вещей стали преоб-

⁹ Розанов, В. В. Соч.: в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 391.

¹⁰ Розанов, В. В. Около церковных стен. – С. 139.

¹¹ Антология даосской философии. – М., 1994. – С. 32.

ладать мысли о конце вещей, «кончине мира», «том свете» и т. п. При общем торжестве пессимистического жизненного настроения и умонастроения в христианскую эру было, тем не менее, сохранено зерно истины, возвращенное язычеством: идея «семьи-эдема» получила развитие в символике «святого семейства». Для Розанова этот позитивный момент преемственности стал отправным пунктом при построении синтетической метафизики пола и брака. Более тридцати лет творческой жизни его занимала главная тема – «семья как ступень к Богу». Эта тема, по словам Розанова, «волнуется не только на границах философии и религии, но и в центре истории, в точке величайших и никогда надлежаще не понятых ее изломов»¹².

Семенно-кровно-телесный спиритуализм Розанова пролил новый свет на историю цивилизаций – онтологически здоровых и безнадежно больных в своей основе. А последней, по Розанову, как уже отмечалось, является духовно-практическое отношение к полу, к семени. Размышляя о метафизическом корне проституции, он обращал внимание на негативное отношение к семени: «Если семья есть скверна, то дом терпимости становится “во главу угла цивилизации”...»¹³. Отсюда – предположение о том, что проституция явилась своего рода архетипической формой социума, заключавшего в своем фундаменте нездоровое отношение к полу, деторождению, родству¹⁴. Очевидно, такого типа социум получил развитие на Западе, пришедшем в настоящее время к «освящению» однополых «браков» и извращенному сознанию необходимости уголовного преследования «гомофобии».

Перед нами – явный «излом истории», если использовать терминологию Розанова: мы видим, что «аномальные феномены пола» в настоящее время вдохновляют творцов новой, сомнительной морали и европейских парламентариев-законодателей. Развивая этот мотив, можно сказать, что навязанную России в очередной раз «вестернизацию» следует рассматривать как явление эпидемическое, таящее в себе гибельную для коренных народов России «заразу». Не будем говорить о росте алкоголизма и наркомании как реакциях населения на абсурд проводимых «рыночниками» преобразований.

¹² Розанов, В. В. В мире неясного и нерешенного. – М., 1995. – С. 8, 9.

¹³ Там же. – С. 11.

¹⁴ См.: Василий Розанов в контексте культуры. – Кострома, 2000. – С. 12.

Достаточно указать на массированную пропаганду насилия и некрофилии в наших СМИ, чтобы констатировать заболевание российско-евразийской, православной цивилизации. А «планирование семьи», также внедряемое Западом, лишь ускорит демографическую катастрофу в России. Прав был Д. Г. Лоуренс, говоривший в 1930 г. о внушающей страх современности Василия Розанова¹⁵. На наш взгляд, труды Розанова давно должны были бы стать настольными для тех российских руководителей, которые занимаются социальной политикой. Упомянем в связи с этим хотя бы статью Розанова «Здоровье потомства как народно-государственная задача»¹⁶.

Трактовка семьи как «канона бытия человеческого», «реально-религиозного» института, базовой и определяющей структуры общества была развернута Розановым в оригинальную концепцию социальной истории человечества¹⁷. Согласно его гипотезе, история той или иной локальной цивилизации (тут он опирался на теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского) несет в себе жизнеутверждающую, смысловую направленность до тех пор, пока в ней действуют сильные, «родовитые» семьи, кланы, энергетический потенциал которых, как правило, исчерпывается в деятельности порожденных ими гениев. Гении творят историю лишь благодаря «органической энергии» стоящих за ними родов, энергии, трансформирующейся в «психическое творчество» и «одоухотворенность». Вместе с увяданием и гибелью великих родов на арену истории выходит посредственность, бездарность. Религиозно не мотивированные, метафизически не обоснованные действия выскочек-самозванцев не могут внести «силу скрытой целесообразности» в стихийный поток событий, и мир катится к катастрофе¹⁸.

Русский народ ранее других исторических народов вошел в эпоху всемирно-исторического апокалипсиса. Революция в России,

¹⁵ См.: Розанов, В. В.: Pro et contra. – Кн. II. – СПб., 1995. – С. 498; Пишун, С. В. Социальная философия В. В. Розанова. – Владивосток, 1993. – С. 9.

¹⁶ См.: Розанов, В. В. Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг. – М., 2003.

¹⁷ См.: Водолагин, А. В. Онтология политической воли. – Тверь, 1992; Водолагин, А. В., Болдырев, А. И., Иванов, А. В. Четвертая печать. Эскизы к феноменологии русского духа. – Тверь, 1993; Водолагин, А. В. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. – Дедовск, 2004.

¹⁸ См.: Водолагин, А. Философия воли. – М., 2005. – С. 240, 245–246.

пророчески писал Розанов в 1906 г., выразится в «совершенно пьяном, ни к чему не приводящем истреблении имущества страны и психопатическом разлитии крови. Кровь, грязь и огонь – вот стихии русской революции»¹⁹. Русский революционный дух – это порождение «помеси дикого половца с социальным романтиком Запада» – когда-нибудь приведет в содрогание Европу, которая требует от России «укротить своих». Как видим, судьба русского западничества в XX столетии была отчасти предугадана Розановым. Развивая мысль профессора Герье о том, что эксцессы революционеров напоминают собою самые темные изуверные секты, с человеческими жертвоприношениями и со сладострастьем самокалывания, он высказывал предположение о том, что все эти изуверства, садистическое наслаждение кровью и страданием имеют подпочвою ту же нервную психопатию, умственные и нравственные извращения. «Революция – менее политика и более болезнь»²⁰. Русская революция представлялась Розанову «местным пароксизмом» всемирной революции: «Оттого она так космополитична... Ибо по существу делают русскую революцию вовсе не русские люди, а русские – поскольку они космополитичны, безнациональны, выхолащены от всего русского»²¹.

Не меньшее отвращение вызывали у Розанова и либералы. Необузданный либерализм, отмечал он, «исходит именно от людей без чувства свободы в себе, от людей слабой воли и без твердого общественного за собой признания»²². Думается, давно пришло время прислушаться к розановской проповеди просвещенного патриотизма и умеренного политического консерватизма, поскольку наша многострадальная страна устала и от революционеров, и от реформаторов – этих «маньяков патологического времени»²³.

Хочется думать, что Россия, прошедшая в XX в. через круги навязанного ей социального ада, все еще исторически не сломлена.

¹⁹ Розанов, В. В. Русская государственность и общество. Статьи 1906–1907 гг. – М., 2003. – С. 114.

²⁰ Там же. – С. 155.

²¹ Там же. – С. 356.

²² Там же. – С. 168.

²³ См.: Водолагин, А. В. Психопатология всемирной истории // Космос и мировая история. – М., 2002. – С. 51–58; Философия и психопатология: научное наследие Карла Ясперса. – М., 2006.

Вспомним слова Розанова о «моментах временного понижения духовной жизни» исторических наций накануне новых свершений. «Великое усилие в сфере политики, религиозных идей или искусства настолько истощает силы нации, или, что то же, родов, ее составляющих собою, что в течение ряда десятилетий ее едва хватает на повторение поколений, в которых психическая жизнь тускла... – писал русский философ в начале минувшего века. – И только когда проходит достаточное время отдыха, снова и без всякой видимой причины начинается для нации духовное пробуждение»²⁴. Пусть обращение к философскому и литературному наследию В. В. Розанова в связи с его 150-летием станет для нас дополнительным стимулом духовного пробуждения.

²⁴ Розанов, В. В. *Природа и история*. – С. 88.